

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ, БИБЛИЯ, СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Леонид Перловский

Мы воспринимаем сознание как нечто данное и неизменное, но это впечатление обманчиво. Как пассажиры в спокойно идущем поезде с задёрнутыми шторами, мы не ощущаем движения. В попытке раздвинуть эти шторы, я кратко опишу нейронные механизмы мышления, ответственные за сознание, затем рассмотрим его эволюцию от расплывчатого и древнего коллективного сознания до современного, индивидуального. Сознание, как мы ощущаем его сегодня – это относительно недавнее явление. (То, что находится за пределами нашего сознания, нам недоступно). Оглядываясь на предыдущие эпохи, мы проецируем своё сознание и видим лишь отражение себя. Только научным анализом можно проникнуть в другие типы сознания.

Недавние исследования показали, что изменением мышления управляет инстинкт к знанию, о котором биологи говорили ещё с 1960-х годов. Не только человек, но животные интересуются окружающим миром, даже если все их телесные потребности удовлетворены. Например, Хари Харлоу говорил о необходимости в новых ощущениях у мартышек, Давид Берлин – о любопытстве, Леон Фестинджер – о когнитивном диссонансе. Однако фундаментальная природа этих механизмов, наряду с основными инстинктами к еде, к продолжению рода, не была ясна. Только, когда начали использовать математику для моделирования мышления, фундаментальная природа этого инстинкта прояснилась: элементарное восприятие ежедневных объектов невозможно без этого инстинкта.

Основные механизмы мышления включают концепции, эмоции и инстинкты. Мы воспринимаем мир благодаря концепциям-понятиям – это сконцентрированная память о том, что мы уже знаем – это модели окружающего мира внутри мышления, хранящиеся в нейронных структурах мозга. Модели эти, однако, нечётки, расплывчаты. Изучение механизмов этой расплывчатости – передний край науки. Легко убедиться в самом факте расплывчатости этих моделей-понятий. Закройте глаза и представьте знакомый объект, например, стул в вашей комнате. Ваше представление-память расплывчато, не такое чёткое, как восприятие стула с открытыми глазами. Чтобы эта расплывчатая модель-концепция-понятие совпала со стулом на сетчатке глаза, необходимо, чтобы память-модель-понятие изменилось, приняло форму конкретного стула и совпало с тем, что перед вашими глазами. Тогда вы увидите стул. Этот процесс занимает 1/5 секунды, и он недоступен нашему сознанию. Сознательно мы воспринимаем лишь четкое окончательное восприятие стула. В нашем мышлении – огромная иерархия понятий-концепций и эмоций. На нижних уровнях наше мышление воспринимает ежедневные объекты, выше – ситуации, ещё выше – общие, абстрактные понятия... и на высшем уровне – понятия о цели и смысле жизни. Высшие понятия о смысле объединяют все наши знания, и также каждое понятие находит свой «духовный смысл», «цель» на более высоких уровнях, где оно становится частью общего, более важного понятия. Мы видели, что даже понятия об обыкновенных объектах (если мы не смотрим на них) расплывчаты в нашем мышлении. Чем выше в иерархии, тем расплывчатей понятия, тем менее они доступны нашему сознанию. Однако мы этого не ощущаем из-за языка. Язык устроен так, как будто мы всё понимаем; к 5-7 годам понятия языка, слова вполне чётки и осознаны в мышлении. Однако это впечатление обманчиво. К пяти годам каждый знает о хороших и плохих дядях. Но, если применять это знание в жизни, то и в 70 лет никто не уверен, что никогда не ошибается в хорошем и плохом. Философы спорят об этих понятиях тысячи лет.

Повторю, чем более важны понятия и чем выше они в иерархии мышления, тем более они расплывчаты, тем менее они доступны сознанию. Ясное восприятие слов мы переносим на понятия, но это лишь игра языка над нашим сознанием. Как мы обсуждали, высшие понятия всегда расплывчаты и не отделены от эмоций. К более чёткому

пониманию и осознанию этих высших понятий ведёт инстинкт к знанию, присущий мышлению каждого человека. Когда расплывчатые высшие понятия становятся чуть чётче, чуть сознательней, это воспринимается как эмоции: чувство красоты или чувство духовно-возвышенного. На этом основано восприятие искусства и религии.

Два фактора определяют инстинкт к знанию – дифференциация и синтез.

Дифференциация – это создание более конкретных, чётких, детальных понятий-знаний. (Например, «высокий стул» – это более детальное понятие, чем «стул»). Дифференциация происходит на каждом уровне в иерархии мышления. Измерять её можно количеством знаний-понятий (слов) – это суть развития культуры и сознания. Синтез – это соединение понятий с внутренними потребностями. В этом соединении понятия приобретают смысл, значение, эмоциональную окраску. *Синтез – это ощущение ценности знаний.* Взаимодействие этих двух факторов определяет эволюцию сознания и культуры как в мышлении отдельного человека, так и в целых эпохах. Взаимодействие это сложное – и симбиоз, и антагонизм. Синтез, эмоциональная ценность понятий-знаний необходим, чтобы продолжалась дифференциация. Но дифференциация создаёт больше и больше знаний, они начинают противоречить друг другу, их ценность исчезает. Так наука противоречит религии, и ценность обоих оказывается под вопросом. Но у синтеза есть и другая сторона – слишком много синтеза, слишком много эмоций «пригвозждают» понятия к вековым ценностям. Мы часто не способны анализировать высшие ценности «холодным рассудком».

Подведём итог этой теоретической части. Эволюция мышления, сознания и культуры управляются двумя аспектами инстинкта к знанию – дифференциацией и синтезом. Эти механизмы – в постоянном симбиозе и противоречии. Синтез необходим для дифференциации, но дифференциация разрушает синтез. Человек не может жить без синтеза-смысла в душе; без синтеза разрушается вся иерархия знаний, следует гибель культуры.

Эти принципиальные противоречия дифференциации и синтеза определяют сложную историю, «витки спирали» развития культуры и сознания. Весь Ветхий Завет, вся история Израиля и вся цивилизация движутся по этим «виткам». 10000 лет назад уже был язык, но насколько люди могли соотносить понятия языка с окружающим миром? Воспоминания об этом сознании отчасти сохранились в древних мифах, записанных тысячелетия спустя. Сознание было расплывчатым, абстрактные понятия – за пределами конкретных объектов, понятия добра и зла были едва различимы. Дифференциация ускоряется с возникновением письменности (около 5500 лет назад). Понятие отделяется от единого образа, соединявшего расплывчатое понятие с эмоциями и смыслом в единое целое. Синтез разрушается, исчезает смысл. Древние цивилизации рушатся.

Согласно преданию, 4000 лет назад Б-г обратился к Аврааму и сказал: «Выйди из земли своей», т.е. оставь свою семью, обычаи своих предков и ищи смысл существования – синтез в душе. Как можно было создать смысл среди огромного числа дифференцированных понятий? Идея монотеизма, открытая Авраамом, стала основой мировых религий. Идея эта заключается в том, что, несмотря на огромное разнообразие понятий, смысл есть, и синтез возможен. Основное содержание Библии – в развитии этой идеи – в чём именно состоит смысл существования. Высшая идея дифференцируется, и при этом необходимо удерживать синтез. Иосиф Бродский писал: «Трудно удерживать лезвия ножниц вместе». Библия описывает сотни историй, раскрывающих эту мысль.

История, подобная Авраамовой, повторилась 3300 лет назад. Б-г сказал Моисею: «Веди народ служить Мне», т.е. искать смысл, создать синтез в коллективном сознании. Во времена царя Давида, 3000 лет назад, синтез, созданный при Моисее, продолжал действовать в душах людей. Дифференциация, однако, ускоряется и разрушает синтез. Одним из первых, кто это почувствовал, был великий пророк Исая. Он предвидел гибель страны и разрушение Храма. Национальная катастрофа отбросила назад сознание многих людей, дифференциация остановилась, важно было выжить и сохранить синтез. В течение

одной человеческой жизни произошло возвращение евреев в Израиль и восстановление Храма. Это создало условия для ускорения дифференциации сознания и для смешения различных типов сознания.

В Израиле появляются толпы пророков. Пророческое сознание, возникшее около 2900 лет назад среди расплывчатого древнего сознания, говоря языком сегодняшней науки, состояло в том, что чёткая мысль была Б-жественным откровением. Так это воспринималось самим человеком и окружающими. Однако 300-400 лет спустя дифференциация достигла нового уровня. Чёткие мысли стали приходить в голову каждому человеку; люди, однако, ещё не были готовы к тому, чтобы с этим жить. Воспринимать каждую мысль как внушенную Б-гом, как абсолютную истину, как почувствовал пророк Захария, было опасно для развития сознания и культуры. Захария видел свою миссию в том, чтобы остановить пророческое движение: «Я удалю из земли пророков... Если кто будет прорицать, то отец его и мать его, родившие его, скажут ему: тебе не должно жить... и поразят его... И устыдятся... каждый видения своего».

Наступило время, когда каждый должен был мыслить, а не произносить слова, пришедшие в голову. Мыслить трудно, легче говорить и верить в то, что точно известно. Как 900 лет назад объяснил Моисей Маймонид, за отказ от мышления, за желание принять готовые вечные истины Адам был изгнан из рая. Б-г требует от нас самостоятельного мышления, но мыслить, как Адам, готовыми истинами – наш удел; часто это лучшее, на что человек способен. И сегодня каждый большую часть времени мыслит всем известными стандартами. И всё же 2500 лет назад настало время, когда люди начали, хотя бы иногда, самостоятельно мыслить. Почти одновременно с Захарией, в Древней Греции появился первый философ Фалес, сказавший «познай себя»; схожие мысли высказывали в Китае Конфуций и Лао Це, в Индии – Будда.

Мышление (дифференциация понятий) приводит к осознанию противоречия в основе человеческой жизни. В сознании возникает понятие о жизни без страданий, что невозможно в реальном мире. Человек ощущает в себе присутствие Вечности духа, но знает, что умрёт. Чтобы сохранить синтез в душе, некоторые считают, что следует отказаться от материального мира и заботиться только о духовной жизни. Примерно 2300 лет назад в Израиле возникает монашеское движение ессеев. Спустя 300 лет в Израиле возникает христианство, признавшее противоречие в душе человека принципиальным, неразрешимым и принадлежащим не только человеку, но и Б-гу. Подчеркну, что принципиальное отделение христианства от иудаизма является позднейшим развитием; отделение это, в основном, политического, а не духовного характера. Поэтому о духовном развитии западной цивилизации говорят как об иудео-христианской идее синтеза дифференцированного сознания.

Синтез дифференцированного сознания во всём его многообразии духовного и материального невероятно сложен. Идея, что сохранить духовный мир, синтез в душе можно лишь отказом от материального мира, перешла из иудаизма в христианство и получила огромное значение в монашеской жизни. Тем не менее, основная идея иудео-христианства состоит в том, что синтез всего дифференцированного сознания возможен. Синтез достигается осознанием противоречия.

В начале христианской эры, однако, синтез материального и духовного часто понимался как отказ от материального. Новый тип сознания противоречит древнему, языческому, обращённому к материальному миру, лежавшему в основе Римской империи. Высокий уровень дифференциации, достигнутый в империи, разрушает синтез. Когда новый тип сознания проник в мышление римских генералов и императоров, империя не смогла более существовать. Гибель Римской империи объясняют сотнями причин, от варваров до отравления свинцом (из свинцового водопровода). Варвары окружали Рим все 1000 лет его существования. Но они смогли захватить Рим лишь тогда, когда римляне, захваченные новым, более глубоким типом сознания, стали сомневаться в прежних

ценностях. Я подчеркну *духовное основание распада империи* – потерю синтеза в душе римлян.

С пятого по восьмой век в Европе идут войны между германскими племенами. Высокая дифференциация Древнего Рима утеряна. Духовное сохраняется только в монастырях. Однако постепенно восстанавливается иудео-христианская идея – объединение материального и духовного. Возникает новый синтез, и становится возможным создание империи, основанной на христианстве – Карл Великий объединяет Европу. Пропуская несколько «витков» дифференциации и синтеза, взглянем на эпоху *ренессанса*. Сознание принимает человека с его противоречиями. Синтез найден в соединении христианства с материальным и духовным в человеке, в идее *гуманизма*. И вновь синтез ускоряет дифференциацию.

К 14-15 вв. дифференциация сознания охватывает все области общественной жизни, политику, искусство. Человек, однако, не так гуманен, как предполагала идея гуманизма. Возникающее рациональное мышление дифференцирует и колеблет этот синтез. Дифференциация касается высшей идеи Б-жественного и начинает разрушать автономное действие христианского символа в душе человека. Европу захватывают катастрофы, эпидемии, войны.

В 16-17 вв. многие воспринимают католическую церковь как противоречащую новым идеалам рационального сознания. Реформация создаёт новый синтез, основанный на соединении иудео-христианского символа с рациональным мышлением. Человек оставлен один на один с Б-гом. Человеку *Реформации* предстоит самому решать, без посредства епископа и Папы Римского, что есть *добро* и что есть *зло*. Возникшая наука усиливает требование рационального. Противоречие между рациональным мышлением и ощущением бесконечного духа создаёт невыносимое напряжение внутри человека. Происходит разрыв в коллективной душе. Решать самому между добром и злом, как объяснил Маймонид на 500 лет раньше, человеку трудно. Как в 11 в., так и в 16-м человек мало способен к индивидуальному сознанию. И сегодня индивидуальное сознание, в котором человек сам выбирает между добром и злом, доступно лишь в редкие моменты отдельным индивидам. Реформация была попыткой перейти от коллективного к индивидуальному. В результате древние религиозные коллективные символы, как говорят психологи, утратили автономию в человеческой душе. И хоть человек продолжает мыслить, в основном, коллективными штампами, глубокая прочная основа жизни, синтез, связанный с коллективной религией, в значительной мере утрачен. На смену коллективной религии приходят другие формы создания синтеза при все ускоряющейся дифференциации. Новый синтез связывается с идеей науки, которая принимает на себя проекции человеческой души, нуждающейся в синтезе. Однако создать синтез в 17 в. наука не могла, она не проникла ещё в тайны человеческого мышления. Последовали всё быстрее сменяющие друг друга формы сознания. Наука ускоряет дифференциацию.

В 18 в. возникает рациональное сознание, эпоха *Просвещения*. Синтез создаётся мифом науки. Мистическая часть сознания, раньше связанная с религией, теперь проецируется на науку. Наука и рациональное мышление наделяются в коллективном сознании силами разрешить неразрешимые противоречия в человеческой душе, которые они разрешить не могут. Время быстро разрушает этот синтез, однако миф остаётся и действует по сей день. В 19 в. синтез отшатывается от научной основы к идее субъективно-человеческого. Возникает тип сознания, названный *Романтизмом*, который ценит в человеке необузданно-эмоциональное. В 20 в. возникает *Модернизм*. Этот тип сознания вновь ищет синтез в как бы объективном научном взгляде на мир. Научные методы применяются для анализа бессознательного, хотя для этого ещё недостаточно научных данных. Синтез *модернизма*, основанный на объективном, стоит на глиняных ногах и, тем не менее, продолжает играть огромную роль в коллективном сознании. К концу 20 в. *модернизм* сменяется *постмодернизмом*, который отказывается от

бессознательного и ищет синтез в объективно-конкретном даже за счёт максимального упрощения смысла.

Перечисленные эпохи – различные типы сознания, определявшие и часто всё ещё продолжающие влиять на все формы жизни: на все виды искусства, на политику, на революции, на законы. Если французская революция 18 в. была проявлением романтизма, то русская революция 1917 г. соединила романтизм с модернизмом. Фашизм и коммунизм были явлениями романтического сознания. Люди, мыслящие в различных формах сознания, часто с трудом понимают друг друга, даже если живут в одно время. Так, русским иммигрантам в Америке трудно понять американцев, которые кажутся «не такими умными и глубокими, как мы». Здесь действует различие типов сознания. Если американское *коллективное* сознание основано на романтизации идеи индивидуальности, то русское *коллективное* сознание романтизирует идею коллективного. И эта форма сознания, быть может, не так быстро меняется в современной России, как кажется некоторым современным русским молодым людям.

Повторю: синтез создаётся смыслом. Существование смысла не очевидно. Древние греки считали, что история движется по кругу – нет направления и нет смысла. Посмотрим вокруг – нет ничего, что свидетельствовало бы о смысле жизни. Тем не менее, синтез и понятие о смысле необходимы человеку, чтобы жить. Иначе он впадает в пьянство, наркотики, депрессию. Поэтому все религии на протяжении всей истории создавали синтез-смысл. Великое открытие древних евреев состояло в том, что есть направление истории, что, несмотря на дифференциацию сознания, синтез-смысл возможен. В этом – величайшее открытие и основа всех монотеистических религий.

Современная наука приближается к такому пониманию истории. Ричард Фридман недавно подвёл итог анализа библейских текстов в книге «Кто написал Библию?». Он установил, что было 4 основных автора, которые переписывали текст. Задним числом они придавали смысл истории, доказывая, что в истории реализуются Б-жественные предсказания. Фридман считает, что старое понимание о Библии как Боговдохновенного текста исчезает при научном анализе. Я же думаю, что его открытие не опровергает, а, наоборот, подтверждает взгляд на Библию как на Боговдохновенный текст. Библия – это не учебник истории, но история человеческого духа в творении-создании смысла. И величайшее открытие четырёх авторов Библии состояло в том, что смысл есть. Эта история-творение смысла продолжается и сегодня.

Недавние открытия в нейрофизиологии опровергли обычное понимание работы сознания. Например: человек захотел пить, нашёл глазами стакан и кран, протянул руку, взял стакан, налил воды и выпил. Измерения нейронных сигналов показали, что сознательное желание пить возникает в наших мозговых нейронах на 0.5 секунды позже, чем мы начинаем двигать руку к стакану. Обычное понимание – это история, задним числом придуманная и рассказанная нам нашим сознанием. Сознание, пишет Майкл Газзанига – это «рассказчик», который задним числом придаёт смысл нашим действиям и жизни. Этот механизм сознания – « рассказчик » – находится в левом полушарии мозга возле центров, отвечающих за способность к языку. Эксперименты с пациентами, у которых (в результате болезни или операции) разделены полушария, подтвердили эту теорию: «рассказчик» в левой половине рассказывает о действиях правой половины выдуманные истории о том, чего не было и что «он» не может знать. Газзанига считает, что эти эксперименты обнаруживают принципиальную несостоятельность сознания, что сознание – это собрание никчемных историй с единственной целью уверить нас, что мы «хозяева положения» и знаем, что мы делаем. Я иначе интерпретирую эти эксперименты: создание смысла – важнейшая функция сознания. Для выживания нам необходимо понимание смысла нашей жизни и на протяжении 1/2 секунды, и на протяжении тысяч лет истории. Подобную мысль высказывал Иммануил Кант. Более 200 лет назад он установил, что человек всегда находит основание для всех своих поступков. Это автоматическое

функционирование сознания, так же как стремление Адама к готовым правилам, вместо того чтобы, как писал Моисей Маймонид, самостоятельно мыслить.

Высшая цель человеческого сознания – стремление к индивидуальному сознанию, в котором решения и ответственность принадлежат человеку.